

СЛОВО В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

УДК 811.161.1'37

**СТИЛИСТИЧЕСКОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ
А.К. ТОЛСТЫМ РАЗГОВОРНОЙ И ПРОСТОРЕЧНОЙ
ЛЕКСИКИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ОБ ЭПОХЕ
ИВАНА ГРОЗНОГО****STYLISTIC USE OF AK. TOLSTOY COLLOQUIAL
AND OLD-FASHIONED VOCABULARY IN WORKS
ABOUT THE ERA OF IVAN THE TERRIBLE**

Олег Евгеньевич Вороничев
Брянский государственный университет, Брянск, Россия

Oleg Evgenyevich Voronichev
Bryansk State University, Bryansk, Russia

**Исследование выполнено при финансовой поддержке
РФФИ и Правительства Брянской области в рамках научного
проекта № 17-14-32001a(р)**

Аннотация

В отборе и употреблении разговорных и просторечных слов в произведениях об эпохе Ивана Грозного А.К. Толстой следовал лучшим образцам русской исторической беллетристики, созданным Пушкиным, Лермонтовым и Гоголем. Он черпает из народной речи, фольклора, документальных источников и умело употребляет в поэтических текстах исторических баллад и драм актуальные разговорные и негрубые просторечные слова. В романе «Князь Серебряный» и нескольких прозаических сценах драматической трилогии Толстой более смело и часто вводит в речь персонажей разговорные и просторечные слова, также сохраняя жанрово-стилистическое единство текста.

Ключевые слова: А.К. Толстой, лексика, стилистика, разговорное, просторечное слово.

Abstract

In the trilogy “The Death of Ivan the Terrible”, “Tsar Fyodor Ioannovich”, “Tsar Boris” and “Prince Serebryany” novel set in

Russia shortly before the Time of Trouble A.K. Tolstoy skillfully uses colloquialisms and vernacularisms typical of folk speech as an expressive stylistic tool to depict the epoch of Ivan the Terrible. In the mid 19th century, when these novels were written, there was no clear-cut definition of colloquial and slang language. Employing colloquialisms and slangisms A.K. Tolstoy develops traditions of historical fiction shaped by A.S. Pushkin, M.Y. Lermontov and N.V. Gogol.

Within the frame of historical genre, along with obsolete words A.K. Tolstoy borrows characteristic colloquialisms and slangisms from the vernacular, folklore, nonfiction sources.

The language of A.K. Tolstoy's historical novels does not sound conspicuously archaic or unreasonably modern. Heavy use of colloquialisms and vernacularisms, including vulgarisms and dialectisms by the common people in the historical novel "Prince Serebryany" and a few scenes of the drama trilogy is justified by the genre, the context and at the same time is absolutely consistent with the norms of the literary language of the 19th century genre.

Colloquialisms and vernacularisms are also used to characterize speech patterns of the upper social groups – romantic characters like prince Nikita Romanovich Serebryany, prince Ivan Petrovich Shujsky or boyar Zakharjin-Yuriev. Overall, A.K. Tolstoy's idiosyncratic approach to portraying realistic characters in historical prose made a significant contribution to establishing the principles of realism in the Russian literature.

Key words: A.K. Tolstoy, lexis, stylistics, colloquialism, slangism / vernacularism.

Введение (цель, материал исследования). А.К. Толстой – признанный мастер исторического жанра в русской классической литературе. При этом основными показателями уровня мастерства исторического беллетриста считаются не только его умение употреблять в речи повествователя и персонажей устаревшие слова, состав которых в художественном тексте, рассчитанном на современного автору массового читателя, не может превышать 5–10%, но и – в ещё большей степени – умение отбирать из неустарелой, актуальной лексики такие единицы наименования, которые не осложняют восприятие текста читателем, но вместе с тем, не обладая признаками модернизации, в органическом единстве с устаревшими словами способствуют созданию иллюзии реальной речевой атмосферы описываемой исторической эпохи. Ключом к решению проблемы нахождения оптимального баланса между устарев-

шими и неустаревшими языковыми средствами в историческом жанре является использование в тексте разговорной и просторечной лексики, так как живая речь народа в отличие от речи образованной знати за прошедшие столетия развития языка не претерпела столь значительных изменений. Однако каждый пишущий на историческую тему решает эту проблему по-своему, что является одним из маркеров идиостиля. В связи с этим большой интерес для исследователя языка исторического жанра в целом и идиостиля А.К. Толстого в частности представляет анализ индивидуально-стилистических особенностей использования разговорных и просторечных слов в произведениях об эпохе Ивана Грозного, составляющих наиболее обширный цикл в творческом наследии писателя-классика.

Методология. Методологической основой исследования выступает комплексный жанрово-стилистический анализ языка художественно-исторического произведения как целостной системы, нашедший отражение в исследованиях В.В. Виноградова, Г.О. Винокура, Н.Ю. Шведовой, А.Н. Кожина, Д.Н. Шмелева, Л.М. Лотмана, М.Н. Нестерова, С.М. Петрова и др. Основными методами исследования являются *описание* разговорных и просторечных слов, используемых А.К. Толстым в балладе, романе, драме, и *сопоставление* таких показателей, как частотность и характер употребления этих средств языка в текстах разных жанров, с целью выявления признаков идиостиля писателя.

Прежде чем приступить к анализу особенностей употребления А.К. Толстым разговорных и просторечных слов в художественно-исторических текстах, необходимо уточнить, что мы понимаем под стилистическими категориями «разговорное» и «просторечное», в том числе применительно к середине XIX в. — периоду создания интересующих нас произведений. По мнению В.В. Виноградова, Ф.П. Филина, Д.Н. Ушакова, С.И. Ожегова, Г.П. Князьковой и др., содержание самого понятия *просторечие* и состав языковых средств, относимых к просторечию, исторически подвижны. В «Словаре Академии Российской» это слово определяется как «употребление слов простым народом». Из предисловия к первому изданию также выясняется, что помета «просторечное» означает слова, «употребляемые в обыкновенных разговорах». В конце XVIII века «понятие *разговорная речь* идентично <...> понятию *просторечие* как форма существования языка» [Князькова: 14]. Иными словами, просторечие охватывало область разговорной речи и

было противопоставлено книжному языку. В XIX веке объем и содержание категории *просторечие* постепенно сужается. Просторечное и разговорное с функционально-стилистической стороны начинает размежевываться, постепенно разграничиваются и соответствующие понятия. В XX веке «просторечие» как функционально-стилистическая категория уже достаточно четко обособилось от категории «разговорное». Н.М. Шанский называет просторечной «лексику, характерную для простой, непринужденной речи, не связанной строгими нормами. Слова, входящие в нее, частью стоят на грани литературного употребления, частью представляют собой нелитературные слова» [Шанский: 133]. За пределы литературных норм выводится просторечие и в толковых словарях русского языка. Разговорные же языковые средства признаются нормативными в словаре Ожегова [Ожегов 1964]; 17-томном Словаре современного русского литературного языка [Словарь современного...], словаре Ожегова и Шведовой [Ожегов, Шведова 2003] и других авторитетных справочниках.

Вместе с тем граница между *разговорностью* и *просторечием* в лексикографической практике остается нечеткой, что подтверждается разными стилистическими оценками одних и тех же слов в толковых словарях. Так, используемое Толстым во 2-й строфе баллады «Василий Шибанов» слово «дивиться» в словаре Ушакова помечено как разговорное [Толковый словарь...: 1111], а в словаре Ожегова и Шведовой – как просторечное [Ожегов и Шведова 2003: 165].

Мы можем разграничивать данные стилистические категории только с позиций *современного русского языка* в узком смысле этого понятия. В середине же XIX века, в период создания Толстым произведений об эпохе Ивана Грозного, просторечное и разговорное в современном понимании не было размежевано: осуществляемая в эпоху Пушкина нормализация русского национального литературного языка на новой, общенародной основе еще не завершилась. Просторечие всё ещё понималось как «простый, обыкновенный разговор» [Словарь церк.-слав. и рус. яз.: 556]. Поэтому применительно к середине XIX века целесообразно говорить о просторечных и разговорных языковых средствах как о тесно взаимосвязанных.

Основная часть. Учитывая опыт предшественников, в первую очередь художественно-стилистические достижения Пушкина, Лермонтова и Гоголя, А.К. Толстой тщательно отбирал для своих произведений о прошлом не только устарев-

шие, но и актуальные языковые средства. В его художественно-исторических текстах трудно найти слова и выражения, которых не было или не могло быть в русском языке XVI—XVII столетий. Многие из неустарелых слов и выражений писатель черпал непосредственно из документальных источников изображаемой эпохи. Неслучайно сам А.К. Толстой подчеркивал, что язык у него «строго современный действию, и его нельзя ни в коем случае изменять» [Толстой 1980, 4: 361].

А.К. Толстой прежде всего стремился избегать слов и выражений, которые были бы восприняты читателем как анахронизмы, признаки явной речевой модернизации. Так, после первого издания исторической трагедии «Смерть Иоанна Грозного» сомнению подвергалось употребление слова «состри» в речи боярина Бельского. Учитывая критические замечания, Толстой в последующем издании слово «состри» как нехарактерное для эпохи Ивана Грозного заменил глаголом «шутя»: «Бельский: И только лишь он брови понахмурит — Ты шутку выкинь посмешней! Шут: Да! Выкинь! Не хочешь ли сам выкинуть? А он Тебя в окошко выкинет! Дверь отворяется. Бельский: Вот он! Поди шутя!» [Толстой 1984: 121]. Мы видим, что здесь автор заменяет сомнительное слово и при этом сохраняет характерную для речи Шута и древнерусского балагурства в целом простейшую каламбурность, обыгрывая прямое и фразеологически связанное значения глагола «выкинуть».

В связи со сказанным найти следы модернизации языка в художественно-исторических текстах А.К. Толстого довольно трудно. Они изредка обнаруживаются только в ранних произведениях об эпохе Ивана Грозного. Так, в балладе «Князь Михайло Репнин» поэт использует прилагательное «лихой» в контексте «Поют ему с полночи **лихие** гусяры» в более употребительном сегодня и в XIX в. значении «удалой, молодецкий», а не в исконном антонимическом «злой, злобный, недобрый» [Ефремова 2006: 1141]. В эпоху создания произведения эти противоположные значения ещё не осознавались как отдельные лексемы, подтверждение чему находим у Даля: «Лихой (слово двусмысленное как благой), молодецкий, хватский, бойкий, проворный, шегольской, удалой, ухорский, смелый и решительный; | злой, злобный, мстительный; лукавый. *Лихой малый, лихие кони, лихой наездник. | Лихой человек, лихое дело*» [Даль 2007: 257]. Как омоантонимы, каждый из которых имеет свои производные ЛСВ, указанные значения фиксируются только в современных толковых словарях, начи-

ная со словаря Ушакова, а это означает, что процесс омонимического обособления противоположных значений этого бывшего энантиосеманта полностью завершился и о них теперь можно говорить только как об омоантонимах. Между тем в описываемую в балладе эпоху (во 2-й половине XVI в.) второго значения этого омоантонима, которое теперь приоритетно, ещё не существовало. Так, в Словаре русского языка XI–XVII вв. даны только следующие ЛСВ прилагательного *лихой*¹, употребленные в памятниках письменности: «ЛИХОЙ¹ (-БЫ), прил. 1. *Чрезмерный, излишний*. И вьезде лихая ъде есть губительная. Изб. Св., 1076 г., 628. <...> 2. *Плохой, дурной, злой*. (987): Аще лихъ бы законъ грѣчкыи, то не бы баба твоя Ольга прияла крщения. Ипат. лет., 94. <...> 3. *Плохой по качеству, не удовлетворяющий предъявляемым требованиям*. (1148): И на ту ночь быс<ть> дождь великъ и бѣ на Днѣпрѣ ... ледъ лихъ <...>. Ипат. лет., 362. 4. *Фальшивый, поддельный (о деньгах)*. (1537): И ... великая княгини ... впередь не велѣла лихымъ денгамъ ходити и поддѣльщикомъ и обрѣзчиковъ велѣла обыскывати и казнити. Ник. лет., XIII, 93. 5. В сочет. с **инф.** *Ловкий, скорый на что-л.* Не утерпя биль ихъ обѣихъ... Да и всегда такой я окаянной сердитъ, дратца лихой. Ав. Ж., 221. 1673 г. (Только это значение, зафиксированное в памятнике 2-й пол. XVII в., в какой-то мере приближено к современному противоположному. Однако с учетом семы «плохой», инвариантной для всех ЛСВ лексемы «лихой»¹, есть основания усомниться в правильности данной дефиниции. В большей степени «вписывается» в контекст толкование «способный в чём-л., при каких-л. обстоятельствах (по инфинитиву) причинить зло»; в данном случае — в драке). В том же словаре приводятся два омонима-субстантивата: ЛИХОЙ², м. *Злой человек; преступник*. А доведут на кого татбу, или разбой, или душегубство, или ябедничество, или иное какое лихое дело, и будет ведомой лихой, и боярину того велети казнити. Суд. Ив. III, 20, 1497 г.; ЛИХОЙ³, м. *Кожная болезнь (нарыв, язва)*. Велеть ему всех лошадей пересмотреть, и которая занемогла, и тех велеть лечить, а у которой лихой, и у тех велеть вырезывать и тож лечить. Хоз. Мор., I, 75. 1652 г.» [Словарь рус. яз. XI–XVII вв.: 249–250]. Интересующее нас антонимическое значение «удалой, молодецкий» у слова «лихой» в данном словаре не зафиксировано. Можно предположить, что смена аксиологического знака «-» на «+» у лексемы «лихой» происходила во второй половине XVII — первой половине XVIII в. по мере формирования оседлого казачества

как социально-этнического феномена, призванного охранять рубежи государства, в связи с отмежеванием казаков по роду занятий и социальному статусу от разбойников, которых в старину называли «лихими» людьми. Смысловая преемственность между ЛСВ бывшего полисеманта, вероятнее всего, осуществлялась по цепочечной схеме с опорой на некогда актуальную общую сему «отчаянный, бесшабашный». В XVIII—XIX вв. положительная оценочность этого слова в языке закрепились и стала постепенно вытеснять отрицательную в пассивный запас. Вслед за словосочетанием «лихой казак» появились «лихой гусар», «лихой рубака», затем — «лихой боец», «лихой парень», «лихой водитель» и т. п. Значит, использование А. К. Толстым прилагательного «лихой» в позднейшем, отсутствовавшем в эпоху Ивана Грозного положительном значении следует всё же признать одним из редких случаев модернизации, которая может быть в какой-то мере оправдана употреблением анализируемой лексической единицы в речи автора.

Действие произведений А. К. Толстого об эпохе Ивана Грозного происходит в Москве и ее окрестностях. Атрибутом речи городского населения столицы в конце XVI — начале XVII в. было просторечие, на котором изъяснялись не только представители низших и средних социальных слоев: рабочие люди, ремесленники, купцы, — но и бояре в их обиходном общении [Горшков]; [Котков]; [Ковалевская]; [Мещерский]. Поэтому из актуальных, неустарелых языковых средств в целях создания колоритных речевых характеристик героев Толстой уместно вводит в их диалоги и полилоги разговорную и просторечную лексику и фразеологию.

Разговорно-просторечные слова, формы и выражения в умеренном количестве встречаются уже в ранней балладе «Василий Шибанов». Так, разговорными (по отношению к современному нам языку) в балладе являются лексические и фразеологические единицы: «Васька», «авось», «толпятся», «ходять головы кругом», «сделался», «напрямик», «напролёт», «гордяся», «загорелися», «струилася», «сладостный». Просторечную окраску (с позиций современного нам языка) имеют в балладе слова и выражения: «вишь» (частица), «добро» в значении утвердительной частицы (в словаре Ушакова это слово помечено как областное), «своего», «собачья измена».

Вместе с тем, например, глагол «трезвонить» Толстой использует не в более известном сегодня переносном значении

с разговорной окраской, а в прямом, в котором слово тяготеет к конфессиональной лексике: «звонить в три колокола (а также вообще в несколько колоколов)» [Ожегов и Шведова 2003: 809].

Обращает на себя внимание тот факт, что разговорно-просторечная лексика, даже если отнести к ней не только актуальные, но и такие устаревшие или устаревающие слова, как «пешой» или «спрянул», имеющие разговорную окраску, в тексте баллады явно уступает в процентном соотношении книжной лексике. Толстой прекрасно понимал, что произведение, написанное в лироэпическом жанре баллады, должно иметь высокое, торжественное звучание, достигаемое прежде всего за счет использования книжной лексики. Поэтому разговорно-просторечных слов и выражений в балладе сравнительно немного и используются они преимущественно в прямой речи Шибанова, который в соответствии с замыслом Толстого предстает перед читателем подлинно народным героем. Однако и в этом случае законы высокого поэтического жанра баллады оказываются сильнее представления автора о социально-речевых стилях эпохи и индивидуальном портрете персонажа, поскольку в финальных строфах из уст Шибанова звучит высокий героический монолог, в котором тесно взаимодействуют книжные и межстилевые слова и нет ни одного разговорного, которое могло бы снизить его пафос. Это чувство соразмерности, соответствия используемых средств языка требованиям жанра во многом свидетельствует об уровне писательского мастерства Толстого уже на раннем этапе его творчества.

В меньшей по объему балладе «Князь Михайло Репнин» разговорно-просторечная лексика и фразеология также заметно уступает в пропорциональном соотношении межстилевой и книжной, однако присутствует не только в прямой речи Грозного («В уме ты, знать, ослаб / Или хмель не в меру?») и Репнина («забыл ты Бога», «на горе», «детей бесовских», «сгинет»), но и в речи повествователя, в которой Толстой употребляет, например, такие разговорные или тяготеющие к разговорной речи слова и сочетания: «без отдыха», «разгульные», «с полночи», «лихие», «потехи» и т. п.

Стоит также отметить, что в написанной позднее небольшой балладе «Старицкий воевода» (1858 г.) Толстой и в речи лирического исторического повествователя, доминирующей в тексте, и в двух строках с прямой речью Ивана Грозного прак-

тически не использует разговорные, просторечные и даже народнопоэтические языковые средства (в какой-то степени к разговорной лексике тяготеет лишь глагол «глядел», имеющий соответствующую стилистическую помету (в отдельных значениях) только в Словаре Ефремовой [Ефремова 2006: 481]); лексическое наполнение баллады составляют межстилевые и книжные, в том числе архаичные, слова: «знатностью и древностью», «сан», «виновного», «возвёл», «величии», «се аз», «лик», «сверженным», «очи», «державные уста» и др. Такое лексико-стилистическое наполнение текста может свидетельствовать об эволюции взглядов автора в сторону большего ограничения «площадных» слов и выражений в высоком жанре баллады.

Чувство жанра, регламентирующее соотношение в тексте устаревших слов с актуальными и книжных с разговорно-просторечными, в полной мере проявилось у писателя в романе «Князь Серебряный» и драматической трилогии. В романе как прозаическом произведении, несущем печать романтизма, и в написанной прозой нескольких народных сценах трилогии народнопоэтические и разговорные слова и выражения писатель использует шире и свободнее, чем в поэтических текстах, где употребление стилистически сниженных средств языка ограничено рамками высокого жанра (баллады или исторической драмы), а также размером и ритмом стиха.

При выборе и стилистическом употреблении актуальных языковых средств в романе «Князь Серебряный» А.К. Толстой следует уже не только за Пушкиным, но и за Лермонтовым и Гоголем. В тексте романа, насыщенном разговорно-просторечными, народнопоэтическими языковыми средствами, заметна переключка с «Песней про ... купца Калашникова», но в еще большей степени ощутимо влияние повести Гоголя «Тарас Бульба».

Мастерство Толстого как исторического беллетриста во многом определяется тем, что при отборе и употреблении как устаревших, так и актуальных документально достоверных языковых средств писателю не изменяют объективное представление о социально-речевых стилях эпохи и художественный вкус, проявляющийся в выразительных речевых характеристиках героев. Яркие, запоминающиеся образы старого стрелянного Михеича, колдуна мельника, атамана Ванюхи Перстня, увальня-силача Митьки, мамки Онуфревы и других народных героев созданы Толстым во многом благодаря

использованию в речи этих персонажей разговорно-просторечных и народнопоэтических средств языка. При создании романа стилистическое чутьё подсказывало автору, что в речи простолюдинов, не знакомых с книжной культурой, процент этих средств должен быть выше, чем в речи царя, его ближних бояр, князя Серебряного и других представителей образованной знати.

Если сравнить использование Толстым разговорно-просторечных языковых средств в романе и драматической трилогии, то в «Князе Серебряном» круг этих элементов, как и архаичных, значительно шире. Чаще они используются в речевых характеристиках. Примечателен, например, разговор старой мамки Онуфревы с Иваном Грозным:

«— Ну что, батюшка? — сказала Онуфревна, смягчая свой голос, — что с тобой случилось? Захворал, что ли? Так и есть, захворал!.. Не худо б тебе сбитеньку испить. Испей сбитеньку, батюшка! Бывало, и родитель твой на ночь сбитень пивал, царствие ему небесное! И матушка твоя, упокой душу ее, любила сбитень. В сбитне-то и опоили ее проклятые Шуйские!..» [Толстой 1980, 2: 155].

Здесь писатель использует не только устаревшие слова, но и разговорно-просторечные: «батюшка», «не худо», «захворал», «испить», «матушка», «проклятые».

Характерна с этой стороны также речь мельника: «— Что ж, батюшка, почему не попытаться горю пособить. Плохо дело, что и говорить, да ведь ухватом из полома горшки вымаются, а бывает инольды, и зёрнышко из-под жернова цело выскочит; всяко бывает, какое кому счастье!» [Толстой 1980, 2: 212–213].

Речь мельника насыщена такими словами и выражениями народной речи, как «родимые», «кормильцы», «батюшки-светы», «бог принес», «нечего греха таить», «не дай бог», «оборони боже», «святые угодники», «отцы родные», в их числе разговорными («пособить», «всяко») и диалектно-просторечными: «полома», «вымаются», «инольды» (иногда) и т. д. Ср.: в речи разговаривающих с мельником опричников или Михеича заметна примесь грубоватого просторечия: «глухой тетерев», «дух вышибу», «чёрт тебя дери», «чёртов кум», «фу ты пропасть», «седой чёрт», «чёртова избушка», «хрен» [Толстой 1980, 2: 205–214] и т. п.

Следовательно, в историческом романе Толстой с большей свободой и широтой использует разговорно-просторечные языковые средства (в том числе с грубой стилистической окра-

ской), чем в балладе и исторической драме, где возможности писателя ограничены нормами поэтического языка и требованиями жанра.

Для усиления выразительности речевых характеристик персонажей А.К. Толстой включает в диалоги и монологи не только разговорно-просторечные слова, но и лексические единицы пограничных стилистических разрядов: диалектно-просторечные и диалектные. Например, в речи сначала «кандидата в разбойники», а потом первого помощника атамана — увальня-силача Митьки — писатель использует диалектно-просторечные слова «ничаво», «пхаться» [Толстой 1980, 2: 169], «куды?» (куда), «А для ча?» (чего) [Толстой 1980, 2: 220] и фонетические диалектизмы, характерные для южнорусских говоров: «нявеста», «ящё», «тяперь» [Толстой 1980, 2: 169–170], «сядой» [Толстой 1980, 2: 215], «нябось ня вырону» [Толстой 1980, 2: 231] и др.

В драматической трилогии основную массу использованных Толстым разговорных и просторечных слов составляют характерные для эпохи слова древнейшего происхождения с негрубой экспрессивной окраской, широко используемые для передачи субъективного отношения героев к окружающей действительности. Среди разговорно-просторечных имен существительных с отрицательным оценочным значением у Толстого часто встречаются образования с суффиксами *-ишк-*, *-ух-* (*-юх-*), имеющие характерный для прошлого оттенок уничижительности. Например, в речи Ивана Грозного: «Без ваших наставлений, помаленьку, / Таки живем себе *умишком* нашим» [Толстой 1984: 65]; в репликах из народной толпы: «Не дайте с *голодухи* помереть!» [Толстой 1984: 73], «А *Федюха!*» [Толстой 1984: 363]. Часто Толстой использует в диалогах героев просторечно-оценочные слова, характеризующие лицо по атрибутивному признаку (обычно отрицательному). Таковы существительные с суффиксами *-ач-* (*-яч-*), *-ай-* (*-яй-*), *-ник-*, *-ун-*, *-аль-*, *-ец-*, *-яг-*, *-чик-* и др. Например, в речи Волоховой: «Негодяй! Бессовестный! *Срамник!* Безбожник!» [Толстой 1984: 198]; Семена Годунова: «То был пустой, беспутный *побродяга, хвастун и враль*» [Толстой 1984: 328] и т. п.

Очень широко использует Толстой в диалогах и монологах героев экспрессивные разговорные и просторечные глаголы: «околевать», «приструнить», «хныкать», «болтать», «поносить» (в значении «ругать»), «миловать» (в значении «любить»), «миловаться» и другие. Например, в реплике народа: «*Околевать*

нам что ли?» [Толстой 1984: 73], в речи Иоанна: «Встань и не хнычь / Еще успеешь *хныкать*» [Толстой 1984: 86]; в речи Шуйского: «На Балчуге двух смердов захватили / Во кружечном дворе. Они тебя / Перед толпой негодными словами / Осмелился *поносить*» [Толстой 1984: 293], «Мы так себе *балакали*» [Толстой 1984: 51] и др. Особенно разнообразны просторечные и разговорные глаголы, обозначающие передвижение человека: «таскаться», «шататься», «утечь» (в значении «убежать»), «приплестись», «валить». Например, в речи Битяговского: «Мы с ним частенько по кружалам *таскались*» [Толстой 1984: 81]; в речи Бориса Годунова: «Ступай *шататься* / По площадям, по рынкам, по базарам» [Толстой 1984: 54]; в речи Волоховой: «Мы *прогуляться* только что сошли — / А он скакни через забор!» [Толстой 1984: 198] и т. д.

В отборе разговорной и просторечной лексики Толстой следовал преимущественно пушкинским принципам ориентации на наиболее характерное, выразительное и в то же время соответствующее нормам поэтического языка своего времени и требованиям высокого жанра исторической трагедии. Иную ориентацию мы видим, например, в драме «Марфа Посадница» М. Погодина, в которой, как отметил Г.О. Винокур, «нет и следа пушкинской поэзии. Однако известная размашка в слоге, оправданная заданием народной драмы, придает произведению незаурядный историко-литературный интерес...» [Винокур: 326]. Основной тон в языке трагедии Погодина задают встречающиеся в большом количестве выражения типа «Обуха плеть коли перешибает», «Против рожна нам прати невозможнo», «Они ж от робости, с нечаю что ли оторопел, нас приняи не дружно», «Так вот пошла жарня, и в нос и в рыло», «Держи вострее оба уха» и пр. В этих выражениях сказывается подражание Пушкину и несомненное стремление построить трагедию на исторически осмысленном просторечии. Однако просторечие обладает у Погодина гораздо большей остротой, чем у Пушкина, у которого оно скромнее и мягче — такое же, какое нетрудно найти и в других произведениях поэта, например: «кто этот удалец», «такая право притча», «я их ужо»; «здорово, господа»; «нет, мудрено тягаться с Годуновым»; «вечор»; «впервой»; «дворецкий князь-Василья»; «так и пойдет потеха»; «всё это, брат, такая кутерьма» и т. д.

Именно этим пушкинским принципам использования в тексте преимущественно разговорных и негрубых просторечных слов следовал Толстой в работе над языком драматической

трилогии (о связи исторической трилогии Толстого с «Борисом Годуновым» Пушкина см: [Лотман 1961]; [Уманская 1958]; [Ямпольский 1940]).

Вместе с тем в трилогии Толстого есть несколько небольших сцен, написанных прозой. И именно в этих прозаических текстах Толстой с наибольшей свободой использует простонародные языковые средства, в частности грубое просторечие и даже отдельные диалектизмы. Так, в сцене, изображающей разбойничий стан, в репликах Хлопко-Косолапа, Решета, Наковальни, Митьки и других разбойников встречаем: «Митька сидит коло Московской дороги», «Кажинный день», «Чем свет обоих вздёрнули», «От вотчинников своих утекли», «Невмоготу, родимый», «Напред того бывало», «Нелюбо тебе у кого — иди куда хошь», «Хошь волком вой», «Вишь, какой шустрый», «Дай горло промочить», «Пущать, что ли?», «Чаво становиться-то», «Не замай — тресну» и др. [Толстой 1984: 320–326]. Причем диалектные «чаво» и «замай» употребляются в речи крестьянского парня — увальня-богатыря Митьки, уже знакомого читателю по роману «Князь Серебряный».

В другой прозаической сцене писатель изображает четырех простолодинок, спешащих в собор послушать панихиду по царевичу Дмитрию и анафему самозванцу. Здесь снова Толстой использует отдельные просторечные слова, с иронией показывает, как бабы боятся опоздать, хотя толком не знают, по кому панихиду справляют, а кого предают анафеме (см. [Толстой 1984: 362]). В поэтическом диалоге многие из этих слов были бы неуместны. Видимо, потому Толстой и прибегает в отдельных случаях к прозаическому диалогу, полилогу, чтобы свободнее использовать, говоря словами Пушкина, «площадной язык» народа. Прозаические тексты в драмах Толстого связаны в основном с изображением массовых народных сцен.

Выводы. Таким образом, в отборе и употреблении разговорной и просторечной лексики А.К. Толстой в отличие от большинства современников, писавших в историческом жанре, следует лучшим традициям русской исторической беллетристики, тем образцам, которые даны А.С. Пушкиным, М.Ю. Лермонтовым и Н.В. Гоголем. Толстой так же тщательно отбирает из современной ему живой речи народа, фольклора, документальных источников эпохи Ивана Грозного и, избегая явной модернизации или анахронизации текста, вводит в речь героев исторических баллад и трагедий разговорные и преимущественно негрубые просторечные слова, которые не представ-

ляют собой значительных отклонений от норм современного автору поэтического языка XIX века. В романе же «Князь Серебряный», как и в нескольких прозаических фрагментах (народных сценах) трилогии, А.К. Толстой свободнее употребляет и более грубые просторечные средства, и даже отдельные диалектизмы. Это свидетельствует о том, что при всем стремлении к народности языка драмы или баллады писатель тонко чувствует и специфику жанра, и возможности творческого варьирования в пределах норм поэтического языка своего времени.

Мастерство писателя-классика проявляется также в том, что при создании выразительных речевых характеристик даже таких романтических персонажей, как Никита Романович Серебряный, боярин Захарьин-Юрьев или князь Иван Петрович Шуйский, автору художественно-исторических произведений об эпохе Ивана Грозного, рационально использующему и устаревшие слова и выражения, и актуальные языковые средства, среди которых первостепенная роль отведена разговорно-просторечной лексике, никогда не изменяют художественный вкус и объективное представление о принципах реализма, окончательно утвердившихся в русской литературе второй половины XIX столетия во многом и благодаря самобытной, яркой языковой личности А.К. Толстого.

Литература

Винокур Г.О. Язык «Бориса Годунова» // Г. О. Винокур. Избранные работы по русскому языку. Москва: Учпедгиз, 1959. С. 301–327.

Горшков А.И. История русского литературного языка. Москва: Высшая школа, 1965. 194 с.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. Москва: Рус. яз.—Медиа, 2007. Т. 2. 779 с.

Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка: В 3 т. Москва: АСТ, 2006. Т. 1. 1165 с.

Князькова Г.П. Русское просторечие второй половины XVIII века. Ленинград: Наука, 1974. 253 с.

Ковалевская Г.Е. История русского литературного языка. Москва: Просвещение, 1978. 384 с.

Котков С.И. Московская речь в начальный период становления русского национального языка / АН СССР, Ин-т русского языка. Москва: Наука, 1974. 360 с.

Лотман Л.М. А.Н. Островский и русская драматургия его времени. М.—Ленинград: Изд-во АН СССР, 1961. 360 с.

Мещерский Н.А. История русского литературного языка. Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1981. 280 с.

Ожегов С.И. Словарь русского языка. Москва: Совет. энциклопедия, 1964. 900 с.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 4 изд. Москва: ООО «ИТИ Технологии», 2003. 944 с.

Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. / Под ред. В.И. Чернышёва. Москва – Ленинград: Изд-во АН СССР, 1950–1965.

Словарь русского языка XI–XVII вв.: Вып. 8. Москва: Наука, 1981. 351 с.

Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный вторым отделением Императорской Академии Наук: В 4 т. С.-Петербург: Типография Императорской Академии наук, 1847. Т. III. 591 с.

Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д.Н. Ушакова Т. 2. Москва: ГИИНС, 1938. 1040 стб.

Толстой А.К. Собр. соч.: В 4 т. Москва: Правда, 1980. Т. 2. 412 с. Т. 4. 604 с.

Толстой А.К. Полное собрание стихотворений: В 2 т. Т. 2: Стихотворные драмы / Сост., подгот. текста и примеч. Е.И. Прохорова. Ленинград: Сов. писатель, 1984. 688 с.

Уманская М. Русская историческая драматургия 60-х годов XIX века // Ученые записки / Саратов. гос. пед. ин-т. Кафедра русской и зарубежной литературы. Вып. 35. Русская драматургия, XIX в. Вольск: [б. и.], 1958. С. 129–130.

Шанский Н.М. Лексикология современного русского языка. Москва: Просвещение, 1972. 328 с.

Ямпольский И.Г. Алексей Константинович Толстой // Классики русской драмы: научно-популярные очерки / Общ. ред. В.А. Десницкого. Ленинград – Москва: Искусство, 1940. С. 236–259.

References

Vinokur G.O. Yazyk “Borisa Godunova” // Izbrannye raboty po russkomu yazyku. Moskva: Uchpedgiz, 1959. S. 301–327.

Gorshkov A.I. Istoriya russkogo literaturnogo yazyka. Moskva: Vysshaya shkola, 1965. 194 s.

Dal' V.I. Tolkoviy slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka: V 4 t. Moskva: Rus. yaz.—Media, 2007. T. 2. 779 s.

Efremova T.F. Sovremenniy tolkoviy slovar' russkogo yazyka: V 3 t. Moskva: AST, 2006. T. 1. 1165 s.

Knyaz'kova G.P. Russkoe prostorechie vtoroj poloviny XVIII veka. Leningrad: Nauka, 1974. 253 s.

Kovalevskaya G.E. Istoriya russkogo literaturnogo yazyka. Moskva: Prosveshchenie, 1978. 384 s.

Kotkov S.I. Moskovskaya rech' v nachal'nyj period stanovleniya russkogo nacional'nogo yazyka / AN SSSR, In-t russkogo yazyka. Moskva: Nauka, 1974. 360 s.

Lotman L.M. A.N. Ostrovskij i russkaya dramaturgiya ego vremeni. Moskva – Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1961. 360 s.

Meshcherskij N.A. Istoriya russkogo literaturnogo yazyka. Leningrad: Izd-vo LGU, 1981. 280 s.

Ozhegov S.I. Slovar' russkogo yazyka. Moskva: Sovet. enciklopediya, 1964. 900 s.

Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka. 4-e izd. Moskva: OOO "ITI Tekhnologii", 2003. 944 s.

Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka: V 17 t. / Pod red. V.I. Chernyshyova. Moskva – Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1950–1965.

Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.: Vyp. 1–30. Moskva – S.-Peterburg: Nauka, 1975–2015.

Slovar' cerkovno-slavyanskogo i russkogo yazyka, sostavlennyy vtorym otdeleniem Imperatorskoj Akademii Nauk: V 4 t. S.-Peterburg: Tipografiya Imperatorskoj Akademii nauk, 1847. T. III. 591 s.

Tolkovyj slovar' russkogo yazyka: V 4 t. / Pod red. D.N. Ushakova. T. 2. Moskva: GIINS, 1938. 1040 stb.

Tolstoj A.K. Sobr. soch.: V 4 t. Moskva: Pravda, 1980. T. 2. 412 s. T. 4. 604 s.

Tolstoj A.K. Polnoe sobranie stikhotvorenij. V 2 t. T. 2. Stikhotvornye dramy / Sost., podgot. teksta i primech. E.I. Prohorova. Leningrad: Sov. Pisatel', 1984. 688 s.

Umanskaya M. Russkaya istoricheskaya dramaturgiya 60-kh godov XIX veka // Uchenye zapiski / Sarat. gos. ped. in-t. Kafedra russkoj i zarubezhnoj literatury. Vyp. 35. Russkaya dramaturgiya, XIX v. Vol'sk: [b. i.], 1958. S. 129–130.

Shanskij N.M. Leksikologiya sovremennogo russkogo yazyka. Moskva: Prosveshchenie, 1972. 328 s.

Yampol'skij I.G. Aleksej Konstantinovich Tolstoj // Klassiki russkoj dramy: nauchno-populyarnye ocherki / Obshch. red. V.A. Desnickogo. Leningrad – Moskva: Iskusstvo, 1940. S. 236–259.

Сведения об авторе: Вороничев Олег Евгеньевич; доктор филологических наук, доцент; Брянский государственный

университет имени И.Г. Петровского; кафедра теории и методики начального общего и музыкального образования, voonid@mail.ru; сфера научных интересов: лексикология, стилистика художественной речи.

The author's profile: Voronichev Oleg Evgenievich; doctor of Philology; I.G. Petrovsky Bryansk State University; associate professor, Department of Theory and Methodology of Elementary General and Music Education; voonid@mail.ru; lexicology, stylistics of art speech.